

Димитрий Воловников,
доктор канонического права

Западный апокриф в истории православного Востока. Случай «Дарственной грамоты императора Константина папе Сильвестру»

Уже более ста лет прошло с того времени, как появилась статья известного русского канониста А. Павлова о подложной «Дарственной грамоте императора Константина Великого папе Сильвестру», самой известной западной средневековой фальсификации, споры вокруг которой не утихали на протяжении многих веков. Павлов первым привлек внимание к такому, казалось бы, парадоксальному факту, что этот подлог широко использовался не только в Западной Церкви, но нашел также много сторонников в России, а еще раньше — в Византии[1].

Подложная «дарственная грамота императора Константина» (в оригинале «*Constitutum Constantini*», позже называемая просто «*Donatio Constantini*», на Руси часто еще называлась «Вено Константиново») — документ, который в средние века служил юридическим основанием для земной власти и цитировался многими Римскими папами для того, чтобы отстаивать верховную власть Церкви по отношению к Империи.

Считалось, что император Константин Великий, правивший Римской Империей с 306 по 337 г., после чудесного исцеления от проказы передал Сильвестру I, епископу Римскому, в 314—335 гг. свою земную власть.

В первой части этого любопытного документа (так называемая *confessio*) автор вкладывает в уста императора Константина Великого исповедание веры и рассказ о поразившей императора за прежнее нечестие проказе и чудесном исцелении от этой болезни через крещение, полученное от папы Сильвестра.

В знак благодарности за телесное исцеление и духовное возрождение император, во второй части грамоты (*donatio*), объявляет о своем даре папе, а именно передает ему в вечное владение Рим, Италию и западные провинции Римской империи с различными атрибутами верховной власти над ними. Вместе с тем император провозглашает римского понтифекса духовным главой всего христианского мира и утверждает его главенство над остальными патриаршими кафедрами — Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Константинопольской, а также провозглашает преимущество папской власти перед властью императора. Наградив таким образом папу Сильвестра, а после — и всех его преемников, Константин выражает желание перенести свою столицу в Византию, где должен был быть основан город Константинополь.

В конце следует торжественное утверждение, скрепленное страшным закланием, — пребывать этим постановлениям неизменными во веки веков. Подписанный документ был возложен Константином на гроб св. апостола Петра [2].

Краткая история «дарственной императора Константина» на Западе

Эта кратко представленная «дарственная императора Константина», или просто «Константинова грамота», считавшаяся в средние века подлинником, возможной копией действительно существовавшего юридического документа императора Константина Великого, послужила некоторым понтифексам еще одним орудием в их попытках продемонстрировать превосходство Церкви над государством.

В действительности же речь идет о документе, дошедшем до нас в двух редакциях — латинской и греческой, скомпилированном, как считает большинство его исследователей, где-то во второй половине VIII в. и вошедшем в середине IX в., наряду с другими апокрифическими документами, в так называемые Лжеисидоровы декреты [3]. Во всяком случае, пока остается проблематичным точное определение времени и места происхождения этой знаменитой подделки. Единственное, что можно сказать определенно — это то, что ориентировочно «дарственная Константина» появилась между второй половиной VII и первой половиной IX в. Более точно датировать документ трудно, поскольку невозможно установить место создания текста, что, в свою очередь, обусловлено фактическими расхождениями в изложении различными учеными истории и целей появления «грамоты Константина» [4].

Согласно двум основным версиям, «дарственная Константина» была создана либо в Риме, в папской канцелярии, либо в монастыре Сан Денис во Франции. Франкская версия, приверженцами которой были многие авторы в прошлом и настоящем [5], поддерживается рукописной традицией [6] и древними каноническими сборниками.

Римская версия происхождения «дарственной Константина» также имела много сторонников, особенно в недалеком прошлом[7]. Некоторые авторы связывали ее появление с поездкой в 753 г. во Францию папы Стефана II, которому этот документ мог понадобиться для обоснования требований к королю Пипину Короткому, другие же относят дату создания «дарственной Константина» к понтификатам пап Павла I (757–767)[8], Адриана I (771–795)[9], Льва III (795–816) и даже более поздних. По одной из версий, Лев III собственноручно представил «дарственную Константина» в подтверждение «инвеституры» (т.е. поставления) императора папой[10].

Подробному филологическому анализу документа, проведенному этими авторами, часто сопутствует и политический анализ той эпохи, когда на фоне упадка греческого и лангобардского могущества римские папы, начиная со Стефана II, все активнее пытаются взять в свои руки политическую власть в решающие моменты истории.

Римская версия происхождения «грамоты Константина» представляется более вероятной, чем франкская, хотя, в этом случае, остается неясным, почему римские первосвященники на протяжении почти трех столетий не обращались к такому, казалось бы, важному для них документу, особенно в отношениях с Византией. Объяснением этого малопонятного факта, по предположению одного из авторов, может служить то, что «дарственная Константина» не давала достаточных оснований для территориальных претензий.

Начиная с XII в. римские папы в основном ссылаются на различные дарственные императоров (*раркта*) уже после Пипина Короткого, имеющие аутентичную правовую силу. «Дарственная Константина» в этих случаях играла роль не правового документа для обоснования земельной власти пап, а, скорее, служила для подтверждения заслуг (*dignitas*) римских первосвященников перед императорской властью[11].

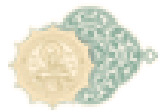

Смелая фальсификация получила распространение лишь после ее внесения в Лжеисидоровы декреталии, составленные между 846 и 852 гг.[12]. Первые свидетельства о ней появляются около 867–868 гг. в сочинениях парижского епископа Энея, который в полемике с Фотием, патриархом Константинополя, для обоснования римского примата ссылается на «Константинову грамоту». В своей работе «Против греков» («*Liber adversus graecos*») Эней пишет: «Император Константин... во имя любви Божией и чести Петра, князя апостолов, по своей воле оставил трон Рима, передав апостольскому престолу власть над Римом, а также подчинил ему большую часть различных провинций...»[13].

Другие свидетельства той же эпохи принадлежат Адону, епископу Вены (†875), и Инкмару, епископу Реймса (†882), которые в своих произведениях утверждают, что император Константин, из большой любви к апостолам Петру и Павлу, при перенесении своей столицы на Восток старый Рим оставил папе Сильвестру[14].

Однако, не считая отдельных цитирований «дарственной грамоты Константина», первая явная ссылка на нее встречается у папы Льва IX в его письме, написанном в 1053 г. патриарху Константинополя Михаилу Керуларию. Итак, приблизительно через три века после создания и два века после первого упоминания в Лжеисидоровых декреталиях именно в этом письме папы Льва IX, написанном накануне печально известного события 1054 г., встречается первое прямое цитирование «дарственной Константина»[15], что сыграло немаловажную роль в церковном расколе между Востоком и Западом.

Доктринальное письмо папы Льва IX, адресованное патриарху Михаилу Керуларию и митрополиту Льву Охридскому было своего рода ответом на критику западной литургической

традиции, содержащейся в письме митрополита Льва Охридского к Иоанну, епископу Транийскому.

Папа не останавливается на частных вопросах, так как видит в письме Льва Охридского принципиальные нападки на Римскую Церковь и папский примат, и, ввиду этого, предупреждает «виновных» о возможности, согласно каноническим нормам, судебного процесса над ними.

Пространная цитата из «дарственной Константина», составившая 13-й раздел письма папы Льва IX, была приведена, чтобы продемонстрировать признание Константином за Римским престолом высшей духовной и светской власти. Эта высшая власть, принадлежащая Римскому понтифексу, предусматривает, по мнению Льва IX, прерогативу высшей политической власти в силу того, что земное царство считается включенным в царство небесное, и поэтому, по той же экклезиологии Льва IX, он управляет им.

В то же время Лев IX ищет поддержки императора Константина IX Мономаха против патриарха Михаила Керулария, напоминая императору о необходимости подражать Константину Великому в его благоволении Риму и «сохранять и защищать привилегии, которые... этот выдающийся человек предоставил Апостольскому престолу» [16].

Не считая некоторых возражений, в XII–XIII вв. юридическая сила и подлинность «дарственной Константина» сомнений не вызывали. На правомочности этого документа в борьбе с императорами за инвеституру настаивали такие папы, как Урбан II и Иннокентий IV [17].

С развитием папской теории иерократии (XIII в.), т.е. теории о происхождении, даже делегировании, власти императора от духовной власти, «грамота Константина» использовалась римскими первосвященниками как одно из доказательств законности папской власти над всей империей. В том же духе

написано обращение папы Григория IX (1236 г.) к императору Фредерику II, в котором он напоминает императору об отречении Константина от империи в пользу папы Сильвестра[18].

Свое дальнейшее развитие теория папского верховенства получила в знаменитом письме следующего папы — Иннокентия IV, адресованном также Фредерику II, окончательно отлученному от Церкви в 1245 г. В этом письме папа подчеркивает, что только римскому первосвященнику принадлежит всякая власть, «духовная и земная», как наследнику апостола Петра, которому, в свою очередь, эта власть была дана Господом Иисусом Христом

Акт императора Константина, по мнению Иннокентия IV, был больше, чем просто *donatio*, это было своего рода «возвращением полной и действительной власти, незаконно присвоенной императором», ее законному владельцу, т.е. Римскому папе. Таким образом, согласно этому утверждению, император может считаться законным сувереном только после предоставления ему папской инвеституры. Несмотря на то, что в «дарственной Константина» речь идет только о Западе, папа Иннокентий IV отстаивает свое главенство над всеми государствами, в силу своей прерогативы как «наместника Христа»[19].

Следующие два века характеризовались все более усиливавшейся борьбой между папской курией и французской монархией. Эта борьба достигает наивысшего накала в годы правления понтифекса Иоанна XXII и короля Людовика Баварского, анафематствованного папой в 1324 г. Во время этого острого конфликта, ставшего фактически эпилогом в долгой истории ожесточенной борьбы за первенство между двумя высшими властями средневекового общества, вновь раздавались голоса как в поддержку иерократической доктрины пап,

так и в защиту прав императора. Обращает на себя внимание тот факт, что в этот период уже оба лагеря в подтверждение верности своих позиций ссылаются на «дарственную Константина».

По мнению сторонников императора, папа не обладает никакой земной юрисдикцией, ибо она дается самим Богом и только императору, и именно «грамота Константина» является прямым доказательством этого, так как свидетельствует, что до акта императора Константина папы вообще не имели никакой светской власти[20].

С XV в. начинается атака гуманистов на аутентичность «Константиновой грамоты», но уже не с позиций юридической и схоластической критики, а на основании историко-критического метода. Это направление зародилось в кругах с реформаторскими тенденциями, которые характеризуют эпоху соборного движения в Западной Церкви, вопреки тому, что Константицкий собор 1414 г. допустил, согласно доминирующему мнению, подлинность документа.

Несколько позже, а именно в 1440 г., Лоренцо Валла, один из наиболее видных гуманистов, в своем труде «Поддельная дарственная Константина, которая ложно считается истинной», окончательно доказал апокрифичность этого документа. Тратат Валлы, заслуга которого состоит в том, что он ввел в область юриспруденции новую методику исследования с применением филологии в вопросах истории права, смог наконец убедить мир в ложности «дарственной Константина»[21].

Даже несмотря на слабые места в аргументации Валлы и неточности, порой встречающиеся в его лингвистическом анализе, произведение этого выдающегося гуманиста неопровержимо доказывает, что «дарственная» была составлена значительно позже эпохи императора Константина Великого.

Краткая история «дарственной императора Константина» в Византии

После второго Вселенского собора 381 г. Константинополь стал не только вторым Римом, как того хотел император Константин, но, в основном, Новым Римом. Позже, начиная с патриарха Фотия, византийцы выработали историко-правовую базу для обоснования этой теории. Византия стала Новым Римом прежде всего потому, что император Константин перевел императорскую власть из Рима в Константинополь (*translatio imperii*).

Мысль о том, что раздираемый ересями Римский престол уступил свое первенство Константинопольскому патриархату, нашла поддержку на Востоке в церковных кругах. Именно в этом контексте оперировали «дарственной императора Константина» во время политических споров между Византией и Западом.

Но когда именно получает распространение у византийцев этот документ и каким образом он мог туда попасть? Интересно, что древнейший греческий текст «дарственной императора Константина», сохранившийся до наших дней, полностью совпадает с редакцией, в которой она встречается в письме папы Льва к патриарху Михаилу Керуларию.

Можно предположить с достаточным на то основанием, что греческий текст — это перевод, сделанный в Константинополе в 1054 г., во время контroversы с римскими легатами. Этот перевод сделан, как считается, самим патриархом Михаилом Керуларием, и цитировался выдающимся византийским канонистом Вальсамоном в его комментариях к 1 разделу 8 титула Номоканона патриарха Фотия[22].

В греко-православном мире «дарственная Константина» тоже считалась подлинной, однако, следует отметить, только до на-

чала XV в., и тоже играла определенную роль, хотя и не столь важную, как на Западе. История этого документа на Востоке начинается приблизительно сто лет спустя после событий 1054 г., в период роста могущества Византийской империи при правлении императора Мануила I Комнена[23].

Наиболее выдающимся представителем византийской канонистики той эпохи, как было отмечено выше, был Константинопольский хартофилакс, а позже патриарх Александрийский, Феодор Вальсамон. В своих комментариях к канонам Вселенских Соборов он отдавал Новому Риму все права Старого Рима и комментировал «дарственную Константина» в пользу Константинопольского престола. На основании этого документа Вальсамон делает вывод, что поскольку источником всех папских привилегий был император Константин, который перенес свой престол в Византию, то все эти привилегии перешли епископу новой столицы Империи[24].

Влияние идей Вальсамона было весьма значительно и на авторов последующих канонических сборников, например, Матфея Властаря — составителя «Синтагмы»[25].

Полный греческий перевод «дарственной императора Константина» появился лишь в конце XIV в. Его авторами, по предположению А.Павлова, были уже латинизированные греки южной Италии[26]. Добавим, что последние исследования подтвердили многие предположения Павлова, сделанные им более ста лет назад[27].

Но уже в начале XV в. на Востоке тоже начали раздаваться голоса сомневающих в подлинности «дарственной грамоты императора Константина». Так, митрополит Макарий Анкирский, живший во времена правления императора Мануила Палеолога (1391–1425), по сообщениям историка Мелетия, митрополита Афинского[28], в своем труде «*Kata latinon*» (против латинян)[29] приводит ряд доказательств поддельности «дарственной Константина», обращая внимание на имеющиеся в ней противоречия.

«Дарственная грамота Константина» в России и в Украине

В России Лжеконстантинова грамота становится известна в славянском переводе не позже XV в. Важно отметить, что здесь, вследствие удаленности от других стран и незнания о полемике вокруг «дарственной Константина», вплоть до начала XVIII в. никто даже не ставил под сомнение подлинность этого апокрифического документа. В отличие от других стран, в России «Константинова грамота», наряду с другими документами, такими как «Устав князя Владимира», была непреложной основой имущественных, судебных и административных прав духовной иерархии и вместе с тем церковным аргументом, обычно использовавшимся для утверждения прав Церкви в случае их нарушений со стороны государства, особенно при секуляризации церковных земель и когда отстаивалась церковная юрисдикция над всеми делами клириков.

Примеры первого дословного цитирования «Константиновой грамоты» можно найти в «Соборном ответе» великому князю Иоанну Васильевичу в 1503 г., написанном по поводу предложения великого князя Московского духовному Собору отдать в казну все церковные и монастырские вотчины. Большинство Собора, под водительством Иосифа Волоцкого, решительно встали на защиту неприкосновенности вообще всех церковных «стяжаний» [30].

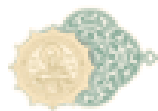
С этой же целью «грамота Константина» использовалась еще в некоторых документах той эпохи, таких как «Слово кратко», написанном латинским монахом Вениамином по поручению новгородского архиепископа Геннадия. Автор этого вовсе не «краткого» слова, в отличие от других, пользовался латинской редакцией «дарственной грамоты Константина», вводя лишь небольшие изменения в свой текст для его адаптации к православной среде [31].

Несколько позже, во времена Стоглавого Собора, созванного в 1551 г., когда в правительственных кругах Иоанна Грозного вновь возник вопрос о монастырских и церковных вотчинах, митрополит Макарий в своем *«Ответе царю Ивану Васильевичу отъ божественных правилъ о недвижимыхъ церковныхъ имѣньхъ, вѣданныхъ Богови въ наследіе благъ вечныхъ»* поместил почти половину второй части «дарственной грамоты Константина» [32]. Эта же часть «грамоты Константина» из трактата митрополита Макария, несколько сокращенная, составила 60-й раздел постановления Стоглавого Собора. Видя такую решимость большинства духовенства, царь Иоанн IV даже после смерти митрополита Макария уже не осмеливался больше поднимать вопрос о церковной собственности.

Для некоторых церковных и общественных деятелей «Константинова грамота» была к тому же поддержкой в развитии идеологической концепции «Москва — третий Рим». Ярким примером этого является новгородский апокриф «Повесть о белом клобуке», главная идея которого — переход церковного первенства из «еретического Рима» сначала патриарху Константинопольскому, а уж затем, после его утраты в результате «агарянского насилия», Руси.

Но никто из иерархов Русской Церкви не пользовался «грамотой Константина Великого» столь широко и вместе с тем столь тенденциозно, как патриарх Никон, который включил ее даже в свою Кормчую книгу, отпечатанную в 1653 г., — официальный кодекс канонического права Русской Церкви. В этом издании, несомненно, проявилось намерение патриарха иметь в книге «божественных правил» статью, авторитетом которой можно было бы отражать различные посягательства на права Церкви. Примером нарушения этих прав Никон, еще до своего патриаршества, считал учреждение «Монастырского приказа», в ведение которого были отданы все общественные дела духовенства, не исключая и высших иерархов.

«Константинова грамота» была также для патриарха Никона весомой поддержкой в его теории «священство выше царства», особенно во время открытого конфликта с царем Алексеем Михайловичем[33]

Как известно, папистские идеи Никона об отношении духовной власти к светской были осуждены Восточными патриархами на Соборе 1666–1667 гг [34], тем не менее, «дарственная грамота Константина», на которой утверждались эти взгляды, входит в Кормчую книгу как неоспоримый источник церковного права

На «Константинову грамоту» как на действующий законодательный акт ссылались духовные иерархи и при Петре I, даже в преддверии его церковных реформ. Так, в 1700 г. последний русский патриарх Адриан цитирует «Константинову грамоту» в своих ответах боярам. Но после церковных реформ Петра уже никто более не осмеливался отстаивать права Церкви на основании этого сомнительного документа, тем более, что веры в его подлинность больше не было

Впрочем, следует заметить, что подлинным документом «грамота Константина» считалась только в Московской Руси. Что же касается Юго-Западной Руси, которая в то время была ареной ожесточенной борьбы между православными и католиками, то здесь, в среде защитников Православия, сложился абсолютно противоположный взгляд на эту грамоту, или «Привилегию Константина Великого», как ее здесь называли

Православные авторы, встречая в произведениях своих оппонентов ссылку на этот «привилей» как доказательство главенства Римских пап над всею Церковью, в том числе и над Русской, уже с конца XVI в. начали выдвигать аргументы против подлинности этого «привилея», заимствованные преимущественно у западноевропейских ученых, занимавшихся этим вопросом

То, что в Польше в середине XVII в. еще верили в достоверность этого документа, как это ни удивительно, доказал

польский историк А. Кубала в книге, посвященной Ежи Оссолинскому, политическому деятелю первой половины XVII в. В 1619 г. Оссолинский принимал участие в войне Польши против Московии, где во время грабежа патриаршей ризницы был найден, помимо прочего, греческий текст «дарственной грамоты Константина». После интронизации нового короля Владислава IV Оссолинский в 1633 г. был направлен в качестве посла в Рим к папе Урбану VIII. На торжественной папской аудиенции в Риме 6 декабря 1633 г. Оссолинский преподнес папе эту греческую рукопись.

Другой современник Оссолинского, Якуб Собеский дал такое объяснение этому акту:

Przywilej Konstantyna i autentyk na tę daninę, jako się do Moskwy i do skarbu ich (t.j. Moskali) z Grecji dostał, a potem z stolicą moskiewską do rąk naszych, posłał go król JM. Terazniejszy Władysław IV ojcu św. Urbanowi, ..., piękny zaprawdę upominek papieżowi, ale i sławny panu naszemu i państwu jego[35].

К сожалению, Собеский в своем свидетельстве ничего не говорит о реакции папы Урбана VIII на этот подарок короля Владислава. Удивляет другое, а именно то, что в Польше начала XVII в. не знали абсолютно ничего о спорах относительно подлинности «дарственной грамоты Константина», которые велись уже более двух веков, а также о том факте, что в Риме в папских архивах хранились разные редакции этого текста, в том числе и греческие.

Из приведенного примера становится понятным факт ссылки польских католических авторов начала XVI в. на «привилей Константина», особенно в церковной полемике с православными богословами, у которых этот документ вызывал абсолютно противоположную реакцию.

Первое опровержение подлинности «Константиновой грамоты» в Украине появилось в книге под названием: «Апокрисисъ»

албо отповедь на книжки о съборе берестейскомъ, именемъ людей старожитной реліи греческой, через Христофора Филялета врихле дана» (1597–1599). Это произведение было написано в ответ на книгу «*Synod Brzeski*» польского иезуита Петра Скарги. Автор Апокрисиса в одном из разделов, говоря о «Константиновой грамоте», на которую ссылается Скарга, отмечает, что во времена императора Константина Великого столица его называлась не Константинополем, а Византией.

Другим видным полемистом был Мелетий Смотрицкий, который в своем сочинении «*ΘΡΗΝΟΣ. To est Lament iedyney ś. Powszechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z objaśnieniem Dogmat Wiary*», изданном в 1610 г. под псевдонимом Феофил Ортологос в Вильно, поместил большой трактат о «привилее цезаря Константина». В этом трактате, составившем вторую половину третьего раздела книги, Смотрицкий выдвигает 14 различных аргументов, из которых следует, что «...ten przywilej nie prawdziwie w starożytności szate obrany».

Большинство аргументов, использованных Смотрицким, показывают, прежде всего, историческую несостоятельность документа, поскольку ни один из историков и никто из исторических лиц времен императора Константина не упоминает ничего подобного. Кроме того, документ содержит внутренние противоречия[36]. К тому же было бы ошибкой, заканчивая свою аргументацию Смотрицкий, считать оригиналом греческий текст, поскольку все законодотворчество императора Константина велось на латыни. Историк Евсевий свидетельствует (Смотрицкий ссылается на кн. 2, 3 *Vita Constantini*), что на Никейском соборе Константин говорил по-латыни, и он, Евсевий, собственноручно перевел императорские декреты на греческий язык.

От себя добавим, что основным источником почти всей аргументации Смотрицкого (это нам удалось обнаружить после долгих поисков) послужила работа одного последователя Каль-

лишний апокриф в истории православного Востока.

Грубой «Дарственной грамоты императора Константина папе Сильвестру»

пина — юрисконсульта Франциска Хотмана, о котором Смотрицкий не упоминает в своей книге ни единым словом. Хотман в сочинении «*Brutum fulmen papae Sixti V adversus Henricum Sereniss*», изданном в 1586 г. как протест против отлучения от Церкви Энрико Наваррского папой Сикстом V, обвиняет пап, между прочим, и в «преступной фальсификации», приводя в качестве примера «грамоту Константина». Ее рассмотрению Хотман посвящает 11 раздел своего произведения[37].

Хотман, ссылаясь на различные исторические источники, в частности, труды Евсевия и отцов Церкви, указывает на полное отсутствие в них каких-либо следов «Константиновой грамоты». Как уже было сказано, Смотрицкий нигде не упоминает Хотмана, возможно, чтобы не быть обвиненным в кальвинизме; так часто поступали католические авторы первой половины XVI в. в отношении к православным в Украине из-за филокальвинизма патриарха Константинопольского Кирилла Лукариса.

В 1617 г. Лев Кревза, архимандрит Виленского монастыря св. Троицы, защищая Брестскую унию, опубликовал труд под названием «*Obrona iednosci cerkiewney*», побудивший Захарию Копыстенского, ставшего Киево-Печерским архимандритом в 1624 г., написать в 1621 г. сочинение-ответ: «*Палинодия сиречь Книга Обороны Святой Апостольской Восточней Церкви Кафолической и Святых Патриарховъ, и о грекохъ, и о россохъ христианехъ въ ласце Божой*».

В своей работе Копыстенский, среди прочего, решительно отвергает подлинность «грамоты Константина», отмечая, что «...привилей мель быти данный, не есть речь правдивая и овшемъ, подметь небылой речи»[38].

Поддельность этого документа Копыстенский последовательно демонстрирует в четырех пунктах, повторяя традиционную аргументацию, а именно то, что во времена императора Констан-

тина еще не существовало Константинопольского патриархата, что в канонах Вселенских Соборов все патриархаты были наделены одинаковой властью, что император Константин поделил империю между своими сыновьями и что в Риме правили императоры и после Константина Великого.

В конце работы Копыстенский, возможно, впервые обращает внимание читателя на тот факт, что этот «привилей» иногда встречается в Номоканонах (имеется ввиду толкование Вальсамона и Властаря). Автор указывает, что оценка этого должна быть оставлена на усмотрение Восточных патриархов, тогда как нам, говорит он, достаточно понять, что этот документ «...патриархомъ не шкодить, ане влады ихъ уменьшаетъ, ане тежъ быскупом римскимъ помагаеть...» [39]

Еще раз Копыстенский упоминает «дарственную грамоту Константина Великого» в предисловии ко второму изданию (1624) сокращенного греческого Номоканона, переведенного в XVI в. с греческого языка одним сербом, а затем изданного Памвой Бериндой в Киеве в новой, пересмотренной в 1620 г. версии. Рекомендую читателям, желающим основательнее познакомиться с церковными канонами, купить алфавитную Синтагму Властаря, Захария Копыстенский предупреждает, что в некоторые редакции Синтагмы вошло «...писаніе, аки отъ Константина Великаго сотворенное: несть сіа вещь известная».

Эти слова были написаны в Украине за 29 лет до появления в России «Константиновой грамоты» в печатной Кормчей патриарха Никона. Это можно объяснить прежде всего тем, что историко-политическая и церковная ситуации в Московском государстве и тогдашней Украине были различны.

В то время Москва переживала довольно спокойные времена с точки зрения межцерковной полемики, тогда как отношения между Церковью и государством были весьма накалены. Таким образом, в Московском государстве «дарственная гра-

мента императора Константина» была еще одним аргументом, по-первых, в борьбе против секуляризации церковного имущества, а, во-вторых, (для некоторых церковных и политических деятелей) — в развитии идеологической концепции «Москва — третий Рим».

Безусловно, в то время ни у кого из государственных и церковных деятелей Москвы не возникало и мысли проверить подлинность этого документа. Собственно говоря, у них не было такой необходимости.

Напротив, в Украине православные авторы, стимулированные полемикой с Католической Церковью, уже с начала XVI в. стали доказывать подложность «дарственной грамоты Константина», заимствуя аргументацию у западных авторов, как протестантских, так и католических.

Наш короткий очерк, безусловно, лишь схематически представляет историю «Константиновой грамоты» на православном Востоке, греческом и славянском. Самый трудный вопрос, который остается до сих пор нерешенным, — это вопрос происхождения славянского текста грамоты. А. Павлов на основании результатов филологического анализа одной из ее редакций выдвинул предположение, что, если не сам текст, то его прототип должен быть южнославянского, точнее сербского происхождения[40]. Иное мнение высказал С. Соболевский: в своей статье от 1910 г. он утверждает, что прототип был болгарского происхождения, но, к сожалению, никак не аргументирует это утверждение[41].

Нам остается только добавить, что несмотря на продолжительные поиски и консультации с сербскими и болгарскими учеными, пока не удалось найти каких-либо следов южнославянского текста «Константиновой грамоты». Надеемся, что будущие исследования помогут осветить и этот вопрос в истории одной из известнейших фальсификаций средневековья.

Библиографические ссылки и примечания

1. См. Павлов А. Подложная дарственная грамота Константина Великого // Византийский временник. Т. 3. СПб. С. 18–82.
2. Латинский текст *Constitutum Constantini* см. в *Fontes iuris Germanici antiqui*, в *Monumentia Germaniae Historica* (далее MGH) / Под ред. Horst Fuhrmann, т. X; Hahnsche Buchhandlung, Hannover, 1968 (далее Fuhrmann, *Constitutum*); греческий и славянский тексты см. в Павлов А. Указ. соч. С. 18–82.
3. Ср.: Valla L. La falsa donazione di Contantino. Introduzione, traduzione e note di Olga Pugliese. Milano, 1994. P. 14–15.
4. Весьма спорный вопрос происхождения «дарственной грамоты Константина» не может быть полностью исследован в нашей работе. Наиболее широкий обзор существующих гипотез представлен в Maffei D. La donazione di Costantino nei giuristi Medievali. Giuffrè, Milano, 1964; Fuhrmann. *Constitutum*, 48–51; Antonazzi G. Lorenzo Valla e la polemica sulla Donazione di Costantino. Uomini e dottrine 28. Roma, 1985. P. 13–47.
- Анализ источников «дарственной Константина» см. в Pohlkamp W. Privilegium ecclesiae Romanae pontifici contulit. Zur Vorgeschichte der Konstantinischen Schenkung. Falschungen im Mittelalter, ed. H. Fuhrmann, I–VI, Hannover, 1988–1990 (*Schriften der Monumenta Germaniae Historica*, 33, I–VI), II, P. 413–490.
5. Обширная библиография по этой гипотезе представлена в Gericke W. Wann entstand die Konstantinische Schenkung? Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kan. Abt., 43 (1957), Weimar. P. 1–88. Этот автор допускает существования первоисточника «дарственной Константина» франкского

Западный апокриф в истории православного Востока.

Случай «Дарственной грамоты императора Константина папе Сильвестру»

происхождения, постепенно расширенного в разные времена дополнениями римского происхождения. См. также Petrucci E. I rapporti tra le redazioni latine e greche del Costituto di Costantino // Bolletino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano, 74 (1962). P. 45, nota 1.

Другие работы, отстаивающие франкское происхождение «дарственной Константина», перечислены в Antonazzi G. Lorenzo Valla e la polemica sulla Donazione di Costantino. Uomini e dottrine 28. Roma, 1985. P. 15, nota 12.

6. Так, по мнению многих авторов, самая древняя рукопись «дарственной Константина» это Cod. Par. Lat. 2777, IX в. Наоборот, по Silva-Tarouca C. Un codice di Pseudo-Isidoro coevo del falso? // Miscellanea Isidoriana. Roma, 1936. P. 357–364, этот кодекс — Cod. 2777 относится к X в. и происходит из так называемой «Аженсидоровой мастерской», но древнейшей из существующих является рукопись Cod. Ottobon. 93, созданная, как представляется, в городе Тур где-то около половины IX в.

Согласно третьей точке зрения, самая древняя из существующих рукописей «дарственной Константина» — Cod. Vat. Lat. 630, на этом настаивает Williams S. The oldest text of the Constitutum Constantini // Traditio XX. New York, 1964. P. 448–461.

7. Ср.: Döllinger J. Die Papst-Fabeln des Mittelalters. München, 1863. P. 69; Gregorovius F. Storia della città di Roma nel Medio Evo, trad. di A. Casalegno. Torino, 1973. Vol. I. P. 446; Bayet C. La fausse donation de Constantin. Paris, 1884. P. 3; Sägmüller J. Die Konstantinische Schenkung in Investiturstreit // Theologische Quartalschrift, 83 (1902). P. 89–110; Duchesne L. Les premiers temps de l'Etat pontifical. Paris, 1911. P. 183; Schönegger A. Die Kirchenpolitische Bedeutung des Constitutum Constantini im frühern Mittelalter (bis zum Decretum Gratiani) // Zeitschrift für

katholische Theologie, 42 (1918). P. 338; Carlyle A.J. and R.W. A History of Mediaeval Political Theory in the West. Edinburgh and London, 1903–1927. Vol. I. P. 290.

8. Cp.: Levison W. Konstantinische Schenkung und Silvester-legende // Miscellanea Francesco Ehrle 2 (1924). P. 159–247; Laehr G. Die Konstantinische Schenkung in der abendlandischen Literatur des Mittelalters bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts // Historische Studien 166 (1926). P. 1; Schramm P.E. Die Anerkennung Karls des Grossen als Kaiser // Historische Zeitschrift, 172 (1951). P. 453 ss; Leonertz R. J. 'Constitutum Constantini' destination, destinataires, date // Aevum 48 (1974). P. 199–225.

9. Cp.: Gericke W. Wann entstand die Konstantinische Schenkung? // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kan. Abt. 43 (1957), 1. C. P. 78.

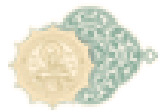
10. Cp.: Ohnsorge W. L'idea d'impero nel secolo nono e l'Italia medioevale // Atti dell 3° Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1959. P. 257–260.

11. Cp.: Martini G. Traslazione dell'Impero e donazione di Costantino nel pensiero e nella politica d'Innocenzo III. Roma, 1933. P. 67; Kirsch G. La 'Donatio Constantini' // La scuola cattolica II (1913). P. 2.

12. Cp.: Hinschius P. Decretales pseudoisidorianae. Lipsiae, 1863. P. 249; Fournier P. — Le Bras G., Histoire des collections canoniques en Occident depuis les Fausses décrétales jusqu'au Décret de Gratien. Paris, 1931–1932. Vol. I. P. 185; Ullmann W. The Growth of Papal Government in the Middle Ages. London, 1955. P. 179.

13. Aeneae Par. Liber adversus graecos, cap. 209 // PL. Vol. 121. C. 758.

14. Cm.: S. Adonis Vien. Chronicon, Aetas sexta // PL. Vol. 123. C. 92. Hincmarus. De ordine palatii. C. 13, MGH, Leg. sect. Vol. II. P. 522.

15. См.: Will C. *Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant*. Lipsiae et Marburgi, 1861. P. 65–81. Последнюю публикацию этого письма см. у Petrucci E. *Ecclesiologia e politica di Leone IX*, ed. Elia. Roma, 1977. P. 270–300.

16. Petrucci E. *Ecclesiologia e politica di Leone IX*. P. 233–234.

17. См.: Urbani II Papae. *Epistolae*, L // PL. Vol. 151. C. 329; Innocentii III Papae // *Sermones de sanctis*, VII // PL. Vol. 217. C. 481.

18. См. его письмо в MGH, *Epist. saec. XIII*. Vol. I. P. 604.

19. См.: *Acta imperii inedita saeculi XIII et XIV*, ed. E. Winkelmann. Innsbruck, 1885. Vol. I. P. 698.

20. См.: Giovanni di Parigi. *De potestate regia et papali*. C. 10, ed. J. Leclercq. Paris, 1942. P. 198.

21. Pertile A. *Storia del diritto italiano*, ed. Forni. Bologna, 1966. Vol. II. Parte 2. P. 426.

22. Photii patriarchae constantinopolitani *Nomocanon* // PG 104. C. 1078–1082; Ralli G. e Potli M. *Syntagma*. Vol. I. P. 144–149.

23. Krause H.G. *Das Constitutum Constantini im Schisma von 1054* // *Aus Kirche und Reich*, ed. H. Mordek. Sigmaringen, 1983. P. 157–158.

24. См.: Theodori Balsamonis patriarchae theopolis magnae Antiochiae *opera quae reperiri potuerunt omnia canonica, juridica, dogmatica* // PG 137. C. 322, 486–487, 1131.

25. Matje Vlastara *Sintagmat, azbučni zbornik vizantijskih crkvenih i državnih zakona i pravila*, ed. Stojan Novaković. Beograd, 1907.

26. Павлов А. Указ. соч. С. 29–30.

27. Ср.: Krause H.G. *Das Constitutum Constantini im Schisma von 1054* // *Aus Kirche und Reich*, ed. H. Mordek. Sigmaringen, 1983. P. 148–152.

28. Meletion Athinon *Ekklesiastiki istoria*. T. I. Vienna, 1783. P. 315–316.

29. Эта компиляция открывает сборник антилатинских сочинений, составленный Иерусалимским патриархом Досифеем Tomos katallagis (Jassy, 1692).
30. Ср.: Зимин А., Лурье Я. Послания Иосифа Волоцкого. Москва — Ленинград, 1959. С. 326.
31. Подробно о «Слово кратко» и его авторе см.: Лурье Я. К вопросу о «латинстве» геннадиевского кружка // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. Ст. 68–77; Giraud G. Slovo kratko. Brescia, 1978.
32. «Ответ» опубликован в Летописи русской литературы и древности, изд. Тихонравова. Т. V. Отд. III. Ст. 129...
33. Подробно об истории «Константиновой грамоты» в России см.: Павлов А. Указ. соч. С. 38–53.
34. См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Т. 4. Москва. № 27. Ст. 84–117.
35. Kubala I. Jerzy Ossoliński. Warszawa, 1924. P. 397. N. 22.
36. Детально эти аргументы представлены А. Павловым. См.: Указ. соч. С. 54–57.
37. Hotomanni F. Brutum Fulmen Papae Sixti V adversus Henricum Sereniss, caput XI, in Goldast M. Monarchia S. Romani Imperii. Т. III. Graz, 1960. PP. 98–104.
38. Палинодия, изд. Гильтебрандт П. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Ч. I. Ст. 323 // Русская историческая библиотека. Т. 4. Санкт-Петербург, 1882.
39. Палинодия, 326.
40. Павлов А. Указ. соч. С. 58–59.
41. Соболевский А. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 88, кн. III. Санкт-Петербург, 1910. Ст. 223.